

Глава 2: Снег Царствует Внизу, Несравненный В Мире Смертных

Цзи Сяо Чжэньжэнь пал.

Клан Меча Хань Шань устроил ему пышную траурную церемонию, поместив его поминальную табличку в родовой зал. Бесчисленные секты и семьи из мира совершенствования спешили издалека, чтобы оплакать его, собираясь у подножия Хань Шань, чтобы слушать погребальный звон колоколов. Более сотни выдающихся фигур были препровождены на гору, чтобы отдать дань уважения в родовом зале.

В крепких объятиях северных зимних ветров Хань Шань была укутана снегом, являя собой монохромный мир.

Звон колоколов стряхивал накопившийся снег с ветвей. Лю Сяохуай невольно вздрогнул, спрятав руки в рукава даосской рясы и ускоряя шаг.

Перейдя через висячий мост, толстый снежный покров постепенно растаял, обнажая влажную вымощенную камнем горную тропу. С поворотами и изгибами ему неожиданно в лицо дохнул тёплый ветерок, и перед взором резко предстала буйная зелень.

Лю Сяохуай потёр руки и вздохнул: «Как тепло».

В конце висячего моста стояла каменная табличка с двумя иероглифами — Чанчунь (Вечная Весна).

Он прибыл на Пик Чанчунь, принадлежавший Цзи Сяо Чжэньжэню.

Горные ворота перед ним казались входом в другой мир: каменные ступени, покрытые бархатным мхом, извивались, ведя в царство пышных цветов и деревьев, среди тумана цветения и морозящего дождя из лепестков абрикоса и груши.

Обернувшись, Лю Сяохуай посмотрел назад через качающийся висячий мост, где видел сцену торжественности и белизны, с горами, окутанными снегом.

Сколько бы раз он ни был свидетелем такого зрелища, он всё равно находил его чудесным и таинственным.

Поскольку это был дар природы, не связанный с сотворением неба и земли, каждый стебелёк травы и каждое дерево на Пике Чанчунь были возвращены духовной энергией. В невидимых глубинах бесшумно работали бесчисленные формации, изолируя это место от дождя и снега, сохраняя его тёплым днём и ночью, словно весна.

Жилы Хань Шань были крайне холодны, снег и лёд здесь не таяли круглый год. Цзи Сяо Чжэньжэнь изначально жил на высоком пике Утёса Цзе Тянь, в простой и чистой пещере-обители.

Однако его Дао-компаньон неожиданно страдал недугом, чувствительным к холоду. Чтобы угодить своему Дао-компаньону, Цзи Сяо основал ещё одну обитель, выбрав богатый духовной энергией уединённый пик, где он установил формации и обустроил горячие источники.

Бросая вызов природному порядку, Чанчунь пребывает в вечности.

Лю Сяохуай слышал от старших братьев, что формации на этом пике ежегодно потребляли тридцать тысяч высококачественных духовных камней. У него не было конкретного представления о том, что значит «тридцать тысяч»; в конце концов, он был всего лишь скромным учеником, ответственным за уборку. Он получал три низкокачественных духовных камня каждый месяц от Зала Службы, и его жизнь была довольной.

Что касается грозной техники владения мечом Истинного Человека Цзи Сяо, прославленной как несравненная в мире смертных, он мог только смутно воображать её — истории о раскалывании гор и разделении морей, пронзании небес и земли казались далёкими легендами. Цзи Сяо давно не обнажал свой меч.

Лишь пышные цветы, нежный тёплый ветерок и журчащие родники Пика Чанчунь были осязаемы и доступны. Лю Сяохуай думал, что достижение такого уровня, возможно, и есть предел силы культиватора.

Что же до Дао-компаньона Цзи Сяо Чжэньжэня, он был, возможно... воплощением величайшей удачи для культиватора.

Перед своей кончиной у Цзи Сяо не было учеников, ни кровных родственников, ни потомков. У него был только один Дао-компаньон.

Дао-компаньона звали Мэн Сюэли, ему было девятнадцать лет, и он был единственным человеком в Клане Меча Хань Шань, который не владел мечом и не нуждался в нём.

Отношение Клана Меча Хань Шань к этому Старейшине Мэну было очень сдержанным.

У культиваторов долгая жизнь, а Дао-компаньоны предназначены быть взаимно поддерживающими партнёрами. В великой схеме вещей любовь и привязанность не имеют большого значения.

Даже если бы у Цзи Сяо и был Дао-компаньон, это должно было иметь исключительное значение, например, он бы женился на женщине-Даосском сановнике, или, возможно, на принцессе клана демонов, или на принце клана демонов. Ради Хань Шань, ради мира в трёх

царствах, ради благополучия бесчисленных людей... короче говоря, должна была быть какая-то цель, к которой стоило стремиться.

Но три года назад, в снежный день, он привёл человека и объявил миру, что Мэн Сюэли будет его Дао-компаньоном, разделив с ним его удачу.

Церемонию союза посетило множество гостей, и поздравительные послания прилетели со всех уголков мира.

Старшие Старейшины Хань Шань, которые удалились от мира на много лет и не интересовались мирскими делами, услышали радостные колокола и вызвали лидера клана, чтобы отчитать его, сказав: «Цзи Сяо с детства был целеустремлён в своём стремлении к Дао. Кто бы мог подумать, что он запутается в мирских делах? В противном случае, у него мог бы быть шанс продвинуться дальше и стать первым, кто вознесётся в этом царстве».

Толпа молча согласилась. Хотя вознесение было лишь легендой, если кто-то и мог его достичь, они верили, что это будет Цзи Сяо.

Мэн Сюэли, критикуемый как те самые «мирские дела», действительно не имел никаких достоинств. Три года назад, в шестнадцать лет, он только начал культивировать свою ци, и его талант был сравним с талантом внешних учеников Хань Шань.

Дао Меча Хань Шань был путём строгого совершенствования, со строгой дисциплиной. Мэн Сюэли, который не любил холод и предпочитал тепло, имел ленивый нрав, который резко контрастировал со строгим поведением клана.

Хотя ученики уважали Цзи Сяо, они не смели открыто проявлять неуважение к Мэн Сюэли. Однако тайно они молились каждую ночь, надеясь, что Цзи Сяо Чжэньжэнь одумается и исправит своё эстетическое суждение.

Но будучи единственным младшим учеником, ответственным за уборку на Пике Чанчунь, Лю Сяохуай чувствовал, что Старейшина Мэн не похож на того высокомерного и изнеженного человека, о котором ходили слухи снаружи.

Кормление рыбок и уход за цветами каждый день, без необходимости практиковать владение мечом или медитировать — самое большее, в чём его можно было обвинить, это в том, что он получает что-то даром. Как это превратилось в то, что он «заслуживает смертной казни», стоило слухам распространиться?

Старейшина Мэн мягко улыбался, его глаза и брови изгибались. Он даже благодарил Лю Сяохуая и признавал его усилия, демонстрируя любезное отношение, ничем не отличавшееся от того, как он обращался с сопровождающими, главным сопровождающим или даже с лидером клана.

Лю Сяохуай почувствовал себя немного не по себе, когда подумал об этом. Что произойдёт со Старейшиной Мэном и Пиком Чанчунь в будущем?

Поглощённый своими мыслями, он приблизился к внутреннему двору. Внутри процветали цветы и деревья, отбрасывая густые тени зелени. Среди разнообразных оттенков зелёного его взгляд уловил намёк на снежно-голубой цвет. Сбравшись с мыслями, Лю Сяохуай подошёл и уважительно поприветствовал.

У пруда фигура, одетая в снежно-голубую парчу, облокотилась на бамбуковую кушетку, казалось, погружённая в размышления. Парча переливалась, больше напоминая наряд богатого вельможи в мире смертных, чем одежду культиватора.

Он чистил кедровые орешки, его черты были тонкими, а пальцы — изящными и светлыми, напоминая лотосы, распускающиеся на воде.

Лю Сяохуай тихо произнёс: «Старейшина Мэн, Лидер клана Чжэньжэнь приглашает вас принять участие в церемонии в родовом зале».

Не успел Лю Сяохуай договорить, как издали донёсся ещё один удар колокола. Погребальные колокола отозвались эхом, заставив птиц взлететь.

Мэн Сюэли поднял взгляд, его выражение было отрешённым. Рябь воды в пруду отражалась на его лице, создавая ирреальную и фантастическую сцену.

Лю Сяохуай хотел выразить соболезнования, но обнаружил, что спотыкается о слова. Не разрыдается ли Старейшина Мэн внезапно?

«Хочешь кедровых орешков?» — спокойно спросил Мэн Сюэли.

«А?» — Лю Сяохуай был озадачен. «Эм, нет, спасибо».

Мэн Сюэли бросил горсть кедровых орешков в пруд, они напоминали падающие лепестки цветов среди изумрудных листьев лотоса, где три золотисто-красных парчовых карпа боролись за еду.

Лицо молодого ученика стало нервным. «Лидер клана ждёт вас...»

Мэн Сюэли успокоил его: «Я надену ещё один слой одежды и тогда пойду. Можешь возвращаться; тебе не нужно меня провожать».

Молодой ученик почувствовал облегчение и поклонился, прежде чем уйти.

«Плеск!»

Парчовые карпы в пруду доели кедровые орешки и выпрыгнули, разбрызгивая воду повсюду.

«Что вы прыгаете? Вы тоже думаете, что Цзи Сяо умер?» — Мэн Сюэли встал, стряхивая пыль со своего одеяния. Шелуха кедровых орешков рассыпалась по земле.

Карпы невинно пускали пузыри.

Месяц назад, прежде чем Цзи Сяо Чжэньжэнь покинул затвор, чтобы запечатать реинкарнированного демона во «внешнем царстве», он нашёл Мэн Сюэли накануне своего отъезда. «У меня есть кое-что для тебя в качестве подарка. Подожди, пока я вернусь».

Громкий предупреждающий колокол прозвенел в голове Мэн Сюэли. «Это самое зловещее, что можно сказать. Если у тебя есть что-то ценное, ты должен дать мне это сейчас».

Цзи Сяо слегка нахмурил брови, казалось, озадаченный, и удалился на облаках с холодным выражением лица.

Семь дней назад Лидер клана Хань Шань лично пришёл на Пик Чанчунь с плохой новостью: внешнее царство рухнуло, и Цзи Сяо погиб вместе с реинкарнированным демоном, не оставив следов своих останков.

Мэн Сюэли сказал: «Я не верю».

Сегодня Хань Шань проводил похоронную церемонию для Цзи Сяо, с торжественным звоном колокола, как будто говоря ему, что в этот момент у него нет выбора, кроме как поверить.

Мэн Сюэли посмотрел на поверхность воды. «Три года Дао-компаньонов, у нас должны были развиться какие-то чувства к этому времени. Как он может небрежно говорить, что он мёртв...»

«Он должен дать мне объяснение».

Если бы парчовые карпы могли говорить, они бы, несомненно, прокляли своего зрителя за бесстыдство —

Полная чушь! Три встречи за три года — ты действительно думаешь, что Цзи Сяо помнит, как ты выглядишь? Даже если бы весь Хань Шань погиб, ты бы не стал тем, кто заступится за него как его фальшивый Дао-компаньон.

Люди завидовали удаче Мэн Сюэли, ссылаясь на намерения Цзи Сяо как на доказательство

«вечной весны».

На самом деле, Цзи Сяо оставался в затворе круглый год, а Пик Чанчунь был пуст и тих. Единственный младший ученик, ответственный за уборку, оставался таким же робким, как и прежде. Пока Мэн Сюэли охранял уединённый пик, он не стал бы говорить даже с рыбой, если бы рядом был живой человек, с которым можно было бы побеседовать.

После их церемонии союза, каждый пошёл своим путём. Цзи Сяо, как обычно, оставался погружённым в своё совершенствование, в то время как Мэн Сюэли играл сам по себе, постепенно учась находить радость в одиночестве. Если бы Цзи Сяо не умер, долгие промежутки времени, исчисляемые столетиями, прошли бы именно так.

С маленькой ручной грелкой в руке Мэн Сюэли прошёл по висячему мосту, оставив позади себя каменную табличку с гравировкой «Чанчунь».

Холодный ветер дул ему в лицо, и внезапно щёки похолодели. Он поднял взгляд на падающие снежинки.

Если смотреть с высоты, всё было укрыто белизной, за исключением Пика Чанчунь, который выделялся зеленью, словно огромная, красивая тёплая клетка.

Формации, покрывающие пик, напоминали перевернутую стеклянную чашу, излучающую слабое сияние.

Мэн Сюэли, не подозревавший об изменениях внешнего климата за последние три года, пережил переход сезонов от весны к осени. Видя горы, покрытые белизной, с лесами, украшенными прозрачным льдом, он почувствовал, будто вошёл в другой мир.

Следуя звуку колоколов и пения, он неторопливо шёл по горной тропе, чувствуя себя вполне довольным и находя всё вокруг свежим и новым.

По мере того как он удалялся от Пика Чанчунь, он наконец-то встретил человеческие фигуры. Изредка он натёкался на внешних учеников клана Хань Шань, одетых в свои рясы, некоторые с мечами на поясе, другие держали благовония или фрукты. Они спешили по тропе с торжественными выражениями лиц, но в их поведении не было и намёка на горе.

Когда новость о смерти Цзи Сяо только прозвучала, бесчисленные ученики, восхищавшиеся Цзи Сяо Чжэньжэнем, были в слезах. Однако после того, как прошло семь дней, все стали спокойными и стойкими.

Всё было так, как диктовали учения Лидера клана Хань Шань: «С потерей Цзи Сяо, Хань Шань должен стать более сплочённым и решительным, не показывая признаков слабости. Пусть посторонние думают, что мы сильно ослаблены и уязвимы».

Сегодня был тяжёлый бой для Клана Меча Хань Шань, с обнажённым мечом.

Мэн Сюэли шёл от Пика Чанчунь к родовому залу, проходя мимо Утёса Цзе Тянь по пути.

На самой высокой точке утёса, как говорили, находилась пещера-обитель Цзи Сяо до их союза. Каждый день ученики ходили туда, чтобы отдать дань уважения, выдерживая самые суровые холодные ветры и снег, чтобы закалить своё мастерство меча и почувствовать оставшийся намерение меча Цзи Сяо Чжэньжэня.

Однако Мэн Сюэли боялся холода и никогда не подвергал бы себя такому испытанию по своей воле. Вместо этого он пошёл по главной дороге, которая огибала гору.

К счастью, на полпути вверх по горе была уединённая тропа. Вдоль обрыва была построена крутая дощатая дорога, наполовину врезанная в скалу и наполовину висящая в воздухе.

Не встретив никого на тропе, он внезапно остановился. Среди трещин в скалах стояло дикое сливовое дерево, дрожащее на ветру, его бутоны были на грани расцвета.

«Скрип».

Мэн Сюэли протянул руку, сорвал ветку цветов и стряхнул скопившийся снег.

С другого конца дощатой дороги раздался крик: «Старейшина Мэн!»

Это был Лю Сяохуай, который доставлял сообщение ранее, бегущий к нему. Он воскликнул с облегчением: «Вы напугали меня! Я думал, вы потерялись. Поторопимся, Лидер клана снова нас торопит!»

Молодой ученик тяжело дышал, его лицо было покрасневшим и милым, когда он протянул руку, чтобы схватить Мэн Сюэли за руку.

Мэн Сюэли улыбнулся и протянул ветку цветов, как будто предлагая её ему.

Ученик без колебаний принял её. Но как только его кончики пальцев коснулись рукава Мэн Сюэли, запястье Мэн Сюэли повернулось, и ветка цветов резко взметнулась вверх с резким порывом воздуха, прямо атакуя пульс ученика!

Ученик вскрикнул в агонии, испуганный, и быстро отступил. В мгновение ока он отпрыгнул на три чжана в сторону, его рукава закружились, и полетел снег.

Примечание: 1 чжан = 3.3 метра.

Мэн Сюэли мгновенно остановил своё движение, стоя неподвижно с опущенной рукой. Разлетевшиеся лепестки красной сливы упали к его ногам.

«Ты — не Сяохуай».

<http://bllate.org/book/12813/1130381>